Ирина Горюнова

Дед Мороз, бабушка, медведи и хоккейная клюшка

Часть сборника
Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Теперь я понимаю, почему мне на Новый год Дед Мороз все время дарил медведей. Я-то думала, что это у меня комплекс, а, оказывается, это у него был комплекс… И да, я выросла и написала стихотворение:

Я Деда Мороза жду давно,
И спрятала под елку
Я мышеловку, клей «Момент»
И папину двустволку.
Он дарит мне на Новый год
Медведей и медведей.
Я жду, когда же он придет
И мне за все ответит.

Но оказалось-то… История была презанятная…»

- Ирина Горюнова
  -
  - Фамилия

Ирина Горюнова
Дед Мороз, бабушка, медведи и хоккейная клюшка. (Непридуманная Новогодняя история)

Теперь я понимаю, почему мне на Новый год Дед Мороз все время дарил медведей. Я-то думала, что это у меня комплекс, а, оказывается, это у него был комплекс… И да, я выросла и написала стихотворение:

Я Деда Мороза жду давно,
И спрятала под елку
Я мышеловку, клей «Момент»
И папину двустволку.

Он дарит мне на Новый год
Медведей и медведей.
Я жду, когда же он придет
И мне за все ответит.

Но оказалось-то… История была презанятная…

В общем, телефона у нас с бабушками тогда еще не было. А мама и папа, жившие в другой квартире, решили сделать мне сюрприз на Новый год и заказали в «Детском мире» Деда Мороза со Снегурочкой, к бабушкам, понятное дело, которые об этом ни сном ни духом не ведали. И вот раздается звонок в дверь.

– Кто там? – настороженно спрашивает бабушка, ведь мы никого не ждем.

– Дед Мороз! – раздается из-за двери актерски поставленный мужской голос.

– Вы что, меня за дурочку принимаете? Какой такой Дед Мороз! – возмущается бабушка. – Хватит мне тут лапшу на уши вешать! Сейчас милицию вызову, бандиты!

– Не надо милицию! – испуганно просят из-за двери. – Мы не бандиты. Я правда Дед Мороз и… Снегурочка… У меня тут даже накладная есть! Я покажу. Откройте дверь.

– Нас на мякине не проведешь! – строго отвечает бабушка. – А паспорт на Деда Мороза и Снегурочку в одном лице тоже имеется? Имейте в виду, я вооружена!

Она нехотя приоткрывает дверь, и дрожащая рука Деда Мороза протягивает сквозь щель помятую накладную. Бабушка внимательно изучает документ, недоверчиво хмыкает и также нехотя открывает дверь чуть шире. Окидывает ряженую парочку подозрительным взором, будто врач, ставящий диагноз больному, или командир Красной Армии, допрашивающий пойманного врага. Колеблется, но все же разрешает им войти и начать разыгрывать передо мной свое выступление. Пока они нервно пляшут вокруг меня, косясь на воинственную старушку, та по-военному перекрывает путь к отступлению, привалившись плечом к дверному косяку, и небрежно поигрывает зажатым в руке большим кухонным ножом… А я стою на табуретке и лихорадочно гадаю, какой подарок принес мне Дед Мороз. Что там? Может быть, красивая кукла? Другие мысли меня не занимают. Прочитываю стихотворение, но от волнения пару раз сбиваюсь и все поглядываю на красный мешок со снежинками, где прячется мой подарок.

Короткая новогодняя программа быстро заканчивается, Дед Мороз и его внучка торопливо всовывают мне очередного медведя и, утирая со лба струящийся холодный пот, затаив дыхание, бочком протискиваются мимо бабушки к желанному выходу… В окно я вижу, как они выбегают из подъезда и, припустив бегом, направляются в сторону метро. «Наверное, я не слишком хорошо себя вела в этом году, на улице в азарте недавно побила прабабушку Шурочку хоккейной клюшкой, – думаю я, – да и стишок плохо прочитала…»

Вот такая печальная история… А вы говорите, медведи!.. Какие медведи, когда бабушка!

Фамилия

Вадик торжественно достал из портфеля большую толстую книгу и сказал:

– Алла Аркадьевна, я принес энциклопедию про насекомых и еще кое-что. Папа мне разрешил. Он коллекционер-энтомолог.

– А кто такой эн-то-мо-лог? – спросила Катька Земцова.

– Это значит, что человек насекомых собирает, коллекционирует, – важно ответил Вадик и напыжился.

– Энтомология, – пояснила учительница, – это раздел зоологии, изучающий насекомых. Так что Вадим прав. Но человек может быть не просто коллекционером, но и ученым, который изучает жизнь этих удивительных созданий природы.

Тут Вадик аккуратно извлек из того же портфеля загадочный сверток и стал медленно разворачивать голубенькую ситцевую тряпочку. Ребята сгрудились у парты и с любопытством заглядывали внутрь. Там была деревянная коробочка с прозрачным стеклышком, на черном бархатном фоне которой был пришпилен булавкой…

– Ой, сверчок! – воскликнула Светка.

– Это не сверчок! – строго сказал Вадик и добавил: – Это богомол.

– Кто? – переспросил Виталька.

– Богомол.

И все дружно посмотрели на меня. Я обиделась. Какой же Вадик все-таки нехороший. Дурак. И все потому, что вчера на горке мы с ним подрались из-за картонки. Я же не виновата, что первая ее нашла, и кататься мне тоже хочется. А мама ругается, когда я на попе катаюсь. Говорит, испачкаешься и штаны продерешь. Отомстил мне. Товарищ, называется. Какое все же это насекомое противное, жуть. И чего он с ним носится? А ребята все в упор на меня уставились и смотрят – ждут, что я сделаю. Ничего. Я же не виновата, что у меня фамилия такая – Богомолова.

– Ириша, – позвала меня наша учительница Алла Аркадьевна. – Подойди, посмотри. Это твой тезка.

Все засмеялись. А у меня в груди что-то тяжелое засело и слезы подступили к глазам. Но я им не поддалась. Крепилась.

– Не люблю я насекомых, – спокойно ответила, следя за голосом, чтобы не дрогнул. Вроде ничего, непонятно, что обиделась.

Учительница рассадила всех по местам, взяла Вадькину энциклопедию и стала читать: «Богомол – крупное хищное

насекомое с длинным мягким брюшком, с большими выпуклыми глазами на треугольной голове. Ноги у богомола гулливеристые, сильные, особенно передние, усеянные шипами. Он хватает ими жертву и сжимает ее словно щипцами. Охотясь, богомол затаивается в траве в позе богомольца, приподняв спину и передние ноги. Тело его в это время неподвижно, а треугольная голова, как танковая башня, вращается во все стороны, высматривая добычу. Обнаружив жертву, он медленно подкрадывается к ней, мгновенно схватывает и съедает. А затем снова замирает на карауле. Питается богомол различными насекомыми, может съесть и своего зазевавшегося сородича. В семье богомолов, что обитают у нас, около 20 видов. Самый известный из них – богомол обыкновенный. Он зеленого или буро-желтого цвета, длиной с полкарандаша…»

На перемене меня все дразнили «богомол обыкновенный», а Вадька, прохаживающийся неподалеку, довольно усмехался и делал вид, что молится, складывая ладони и поднимая глаза кверху. Я сжимала кулаки и думала только о том, как бы засветить ему в глаз. Да вот тогда он сразу поймет, что мне не все равно. А я не хочу.

Подлетевшая Ленка Морозова сочувственно посмотрела на меня и сказала:

– У тебя, Богомолова, просто фамилия дурацкая, ну что же делать. Твоим папе с мамой тоже не повезло. Терпи.

– Нет, у папы с мамой фамилия другая – Никифоровы, – ответила я.

– Так ты что, неродная? Из детдома, что ли? – вытаращила глаза Ленка.

– Да нет, родная. Просто фамилия другая.

– Так не бывает.

– Бывает.

– Значит, у тебя отец не родной, – подытожила Морозова.

– Да родной он!

– Ну, не хочешь, не говори, – обиделась та и ускакала играть в салки с Катюхой и Дашкой.

Вечером я долго не могла уснуть и, наконец решившись, побежала в комнату к бабушке и залезла к ней в кровать.

– Ба, бабуль, я что… не родная вам? Вы меня из детдома взяли? – с дрожью в голосе тихо спросила я, жутко боясь, что это может оказаться правдой.

– С чего ты решила? – удивилась бабушка.

– Ну, у меня фамилия другая, чем у папы с мамой.

– Глупости! Конечно, ты нам родная. У твоей мамы раньше

тоже фамилия была Богомолова, а потом поменялась. И у тебя поменяется. Иди спать.

– Ба, а мой папа… родной? Настоящий?

– Нет, игрушечный! – рассердилась бабушка. – Марш в постель! Завтра в школу вставать ни свет ни заря.

Я лежала в постели, накрывшись с головой одеялом, и думала. Мне казалось, что, наверное, меня действительно взяли из детдома и просто это скрывают. А сама я не помню. И что, если я буду плохо себя вести или учиться на тройки, меня отдадут обратно. Страшное и непонятное слово «детдом» пугало. Я слышала, что там живут дети, у которых совсем нет родителей, и им некому покупать игрушки и мороженое, никто не читает им сказок и не водит в зоопарк. Мне стало себя жалко, и я заплакала. Тихо-тихо. Но бабушка все равно услышала и пришла ко мне, стала гладить по голове и говорить, что меня все любят, и что все будет хорошо, и что я очень похожа на маму. А потом, уже сквозь сон, я слышала, как она за что-то ругает папу, а тот виновато басит в ответ про какую-то бю-ро-кратию и документы.

Через полгода мне поменяли фамилию, и она стала такая же, как у папы и мамы – Никифорова.